

Александр Осипов

Этническая дискриминация. Профили и практика (пример Ставропольского края)*

Публикация: Россия и современный мир. 2009. № 4.

В России категории и репертуары описания так называемых этнических или расовых отношений бедны по сравнению со странами Западной Европы и Северной Америки, особенно там, где должны соединяться профессиональные и общегражданские дискуссии.

Ниже речь идет о понятии «дискриминации», используемом во многих государствах для описания проблем, связанных с этническими различиями. Разумеется, эта категория не может стать основой какой-либо общей теории, касающейся воспроизводства и роли этничности, но позволяет обращаться к ряду частных вопросов, затрагивающих социальную мобильность, отношения власти, индивидуальное и групповое поведение и пр.¹

Допустимо предположить, что использование понятия «дискриминация» внутри России в принципе реально² и что оно может иметь место в разных формах и на разных уровнях. Дискуссии, позволяющие связать разные экспертные сообщества, гражданских активистов, просвещенные сегменты бюрократии и журналистов, возможны при наличии простых, ясных и непротиворечивых представлений, которые подвергались бы эмпирической проверке и были встроены в систему здравого смысла обывателей и профессионалов.

В юриспруденции «дискриминация» в общем плане означает неправомерное проведение различий по тому или иному признаку, то есть разное обращение с людьми, группами людей или организациями, находящимися в сопоставимом положении, но отличающимися определенной характеристикой³.

В социологии дискриминация понимается менее строго - как принудительное отнесение людей к социальным категориям и вследствие этого навязывание им определенных ролей⁴ или как действия, закрывающие членам определенной группы доступ к ресурсам, доступным для остальных⁵. Таким образом, этническая дискриминация, понимаемая в широком смысле, будет означать репрессивное по целям или результатам проведение различий между индивидами, группами и организациями в связи с приписываемой им этнической принадлежностью. В практике многих национальных судов и международных организаций возникло понятие «косвенной дискриминации» - нейтральных в отношении определенного признака правил, требований или практик, которые фактически ставят в менее благоприятное положение группу, выделяемую на основе этого признака⁶.

Наблюдения последних более чем 10 лет показывают, что даже профессионально подготовленный человек знает очень немного об этнической дискриминации в России за пределами того, что связано с насилием или «языком вражды». Проблема невидима для

---

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Проблематизация социальной дискриминации в российских публичных дискурсах» № 08-03-00300а.

¹ Theories of Race and Racism: a Reader / edited and introduced by Les Back and John Solomos. London ; New York : Routledge, 2000; Дискриминация в США: правовые и социологические исследования / Под ред. А.К. Соболевой. – М.: Новая юстиция, 2005.

² См. Борьба с дискриминацией в России. М.: Юристъ, 2004.

³ Eur. Court H.R. Case “Relating to Certain Aspects of the Laws on the Use of Languages in Education in Belgium” v. Belgium. Judgment of 23 July 1968 (Application No. 1474/62; 1677/62; 1691/62; 1769/63; 1994/63; 2126/64), para B-10; Non-Discrimination in International Law. A Handbook for Practitioners. London: Interrights, 2005. P.20.

⁴ Rex J. Race Relations in Sociological Theory. – 2nd ed. – London: Routledge & Kegan Paul, 1983. P.117.

⁵ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С.665.

⁶ Non-Discrimination in International Law. A Handbook for Practitioners. P.21, 80-89.

общественного мнения, и даже публикации средств массовой информации об индивидуальном опыте дискриминации остаются исключительной редкостью.

В таких условиях уместны самые простые вопросы. Что стоит или может стоять в российском контексте за понятием дискриминации по этническому признаку, помимо актов насилия, мотивированного ксенофобией? Имеет ли концепция «дискриминации» в окружающей действительности такие референты, которые обнаруживаются без методически сложных исследований? Могут ли полученные таким путем описания верифицироваться эмпирически? Могут ли они стать основой для постановки социальных проблем и для гражданской активности, направленной на их решение?

Изложенное ниже – это попытка предложить в качестве материала для такого обсуждения некоторые наблюдения и впечатления об одном из российских регионов – Ставропольском крае (далее – СК). Регион дает властям, прессе, исследователям и общественным активистам немало поводов говорить об этнических проблемах: это внешняя и внутренняя миграция, соседство с большинством республик Северного Кавказа, значительные группы этнических меньшинств, активность казачьих обществ и пр.

По данным переписей 1989 и 2002 г.⁷, в крае жило соответственно 2 млн. 410 тыс., а в 2002 г. 2 млн. 735 тыс. чел.; русские составляли в 1989 г. 84,0% и в 2002 г. 81,6% населения. К наиболее крупным меньшинствам (по убывающей на основе данных 2002 г.) относятся армяне (5,5%), украинцы (1,7%), даргинцы (1,5%), греки (1,2%), ногайцы (0,8%)⁸.

Далее я попробую провести краткий обзор некоторых явлений и процессов, в которые привносится этнический смысл, и соответственно оценить, какие возможности для их анализа и описания открывает понятие «дискриминации». Я буду описывать только те явления, которые связаны с так называемой «миграционной политикой». Этим понятием в России не вполне корректно принято обозначать любую деятельность официальных властей, связанную с регулированием проживания и перемещения российских граждан и иностранцев.

Эффекты, вызванные самим устройством системы учета и документирования людей, непросто отделить от целенаправленных мер власти. Система сама по себе создает препятствия для перемещения людей и реализации ими основных прав. Последнее обусловлено наличием паспорта и регистрации по месту жительства; в свою очередь для регистрации по месту жительства (также как и временной регистрации по месту пребывания) требуются формальные основания для вселения в определенное жилое помещение. Это становится для многих препятствием для регистрации по месту реального проживания, поскольку рынок жилищных услуг во многом сохраняет неформальный характер, и собственники жилья часто не дают согласия на регистрацию нанимателя. В свою очередь, сложность процедур регистрации дает властям определенные возможности для создания препятствий в регистрации неудобных категорий. Наиболее прямолинейно и открыто ограничительные механизмы создавались в 1990-е годы региональными актами о миграции. Вместе с тем, паспортная система может функционировать, только если она подкреплена контролем и санкциями для уклоняющихся.

Меры, которые власти СК принимали с конца 1980-х годов для ограничения миграции в край и отчасти внутри края, основывались на сохранении под другими названиями и в несколько модифицированном виде советской системы разрешительной

---

⁷ Приводимые здесь статистические данные отражают взгляд власти на этнические деления; их использование не предполагает по умолчанию приписывания людям, отнесенным к тем или иным «национальностям», специфических социальных характеристик или стремления к коллективному действию в рамках «общин».

⁸ По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю - <http://www.stavstat.ru/perepis/vpn2002/default.aspx>.

прописки⁹. Соответствующие критерии и процедуры регистрации были сформулированы во «Временном положении о пребывании и определении на постоянное место жительства в Ставропольском крае», принятом Государственной Думой СК 6 октября 1994 г. Положение действовало до июля 1997 г., но созданные на его основе механизмы (практики регистрации и местные комиссии по прописке) просуществовали до середины 2000-х годов и сошли на нет по мере унификации практик регистрации российских граждан в стране и внедрения на практике ограничительного федерального законодательства об иностранцах. Наряду с формальными ограничениями продолжают существовать и неформальные практики, препятствующие регистрации.

Что же может или мог бы зафиксировать внешний наблюдатель, обращающийся к теме этнической дискриминации?

1. Открытая организованная дискриминация со стороны государства

Начиная с 1989 г. в край приезжали месхетинские турки, которые были вынуждены покинуть Узбекистан. Местные власти отказывались давать им прописку, но в конце 1989 - 1990 г. запрет был основным снят. Однако, в Советском и Буденновском районах соответственно 19 и 50 турецких семей оставались без прописки до 1996-97 гг. Эти люди оказались пораженными в большинстве прав: их вопреки закону не считали гражданами РФ, не признавали их права собственности на приобретенные жилые дома, они не могли работать по найму, получать пенсии, пользоваться иным социальным обеспечением и медицинским страхованием. Правда, дети могли посещать школу, а местная администрация не принуждала турок к выселению, хотя многих из них регулярно штрафовала милиция за проживание без прописки. Неформальным лидерам месхетинцев потребовалось почти полтора года хождений по инстанциям, чтобы добиться положительного результата. Официальные ответы на их обращения ясно показывают, что позиция местных и краевых властей была продиктована отношением к туркам именно как к нежелательной этнической категории¹⁰.

После террористической акции, проведенной группой Ш.Басаева в Буденновске в июне 1995 г., в центральной усадьбе совхоза «Терский» состоялся митинг, на котором выдвигались требования выселения чеченцев. Администрация поселка, ссылаясь на мнение участников митинга, потребовала от чеченцев, которых в Терском было около 200, выехать из района. Это требование было поддержано районными властями и начальником краевого Управления внутренних дел В.К.Медведицковым, который выпустил сопроводительное письмо для чеченцев¹¹, выселяющихся в Чечню. Пять чеченских семей спустя год вернулись на 3-е отделение совхоза, но мужчин кроме одного не приняли обратно на работу, было отказано в выплате пособий, а шестерых детей школьного возраста не допустили на занятия в школу. Местные власти мотивировали это тем, что уехавшие чеченцы были выписаны, хотя у всех в паспортах сохранились штампы прописки в Терском. Жалобы районным и краевым властям не дали результата¹².

18-21 июня 1999 г. после убийства нескольких милиционеров на административной границе Чечни сотрудники милиции Курского района предположительно при участии казачьих формирований выселили в Чечню 140 чеченцев из трех хуторов в приграничной полосе. По свидетельству пострадавших, вооруженные люди в камуфляже и масках на бронетранспортерах и автомашинах окружили хутора, выгнали людей из домов,

⁹ Подробнее см. Осипов А.Г. Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев). - Сер. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. - Вып. 155 - М.: ИЭА РАН, 2002; он же. Регистрация по месту жительства и месту пребывания в Ставропольском крае // Вынужденные мигранты и государство. М.: ИЭА РАН, 1998. С.167-198.

¹⁰ Подробнее см. Осипов А.Г. Регистрация по месту жительства и месту пребывания в Ставропольском крае С.190-192.

¹¹ Копия письма у автора.

¹² Интервью В.А.Коренько и А.Г.Осипова с Д., В. и И.Ташаевыми, Терский, 25 апреля 1997 г.

некоторых избили и приказали убраться в Чечню. Их дома были сожжены, а домашний скот разогнан по окрестностям. Никто из чеченцев не был арестован, и никому не было официально предъявлено какое-либо обвинение¹³.

2. Дискриминационная норма краевого законодательства

Временное положение о пребывании и определении на постоянное место жительства 1994 г. выделяло ряд льготных категорий граждан РФ, на которые не распространялись ограничения по нормам жилой площади и квоты на прописку. Согласно параграфу «ж» пункта 23, в этот перечень входили «лица, подвергшиеся политическим репрессиям на территории бывшего СССР и реабилитированные, и члены их семей». Однако, эта льгота не касалась лиц, репрессированных по «национально-территориальному признаку, таким образом освобождение от незаконных ограничений делалось с некоторым изъятием по этническому признаку. Неясно, насколько много людей затронула эта дискриминационная норма, пока она не была отменена вместе с самим Временным положением, но вряд ли речь может идти более чем о нескольких десятках человек.

3. Избирательность в регистрации по месту жительства

Обычные, рутинные практики регистрации по месту жительства и пребывания непрозрачны для наблюдателя и изучены недостаточно для суждений о том, в какой мере они являются этнически избирательными. Так называемые «простые» граждане и лидеры этнических организаций иногда упоминают о, по их мнению, произвольных и этнически мотивированных отказах чеченцам, армянам, ногайцам в регистрации по месту жительства. Однако, сообщения о таких инцидентах единичны и недостаточно конкретны, а имеющаяся статистика о текущем этническом составе населения не позволяет говорить о сколько-нибудь массовых запретах или ограничениях в отношении тех или иных «национальностей».

Несколько более информативными, хотя и устаревшими оказываются данные о работе районных и городских комиссий (им)миграционного контроля. Эти совещательные органы при главах администраций, созданные в первой половине 1990-х годов и распущенные к середине 2000-х, учитывали этнический состав обратившихся за пропиской и получивших прописку, а также отказы в ней. В 1998 г. с помощью запросов депутатов Государственной Думы РФ такие сведения были получены из нескольких комиссий. В тех районах, где существенна доля тех, кто получил отрицательные ответы, обнаруживаются диспропорции по этническому признаку.

Так, в городе Железноводске в 1996 г. отрицательные ответы получили 23,0% всех тех, чьи дела были рассмотрены комиссией, среди русских этот показатель составил 16,7%, у греков 29,2%, украинцев - 21,9%, грузин - 53,6%, армян - 78,3%. Те же данные за 1997 г.: в среднем отсев составил 23,1%, у русских - 16,6%, греков - 31,6%, украинцев - 37,5%, армян - 84%, грузин - 88,1%¹⁴. В другой административной единице Кавказских Минеральных Вод - Предгорном районе общий отсев составил 23,9%, но у русских 14,0%, у греков 42,8%, армян - 47,5%, других национальностей - 56,4%¹⁵.

В Шпаковском районе (окружающем г. Ставрополь) отказы получили в 1996 г. 34,7% общего числа претендентов, но 27,8% претендентов русских, и по 66,5% армян и грузин. В 1997 г. общая доля отказов составила 17%, для русских 8,3%, армян - 34,8%, украинцев –

---

¹³ Права человека в регионах Российской Федерации. Сборник докладов региональных правозащитных организаций о положении с правами человека в субъектах Российской Федерации за 1999 г. - Т.3 - М.: ЗАО РИЦ «Защита», 2000, С.334-335.

¹⁴ Ответ главы администрации Железноводска А.С.Зубцова на обращение депутата Государственной Думы РФ С.С.Митрохина, письмо № 123 от 28.01.98.

¹⁵ Ответ главы администрации Предгорного района С.Ф.Манина на обращение депутата Государственной Думы РФ С.С.Митрохина, письмо № 03-9-32 от 13.01.98.

66,7%¹⁶. В Советском районе в 1996-97 гг. общий отсев составил 7,4%, для русских - 6,3%, украинцев - 5,6%, грузин - 16,7%, армян - 18%, цыган - 20,5%, чеченцев - 40%¹⁷. Те же показатели для Кировского района за тот же срок: общий отсев - 3,8%, русские - 0,8%, грузины - 15%, турки - 25%, армяне - 25,4%¹⁸.

Обнаруженные диспропорции могут рассматриваться как основания для подозрений в том, что решения комиссий были продиктованы этническими предубеждениями. Однако, расхождения допустимо интерпретировать и иным образом. Комиссии могли принимать в расчет разные параметры соискателей (наличие родственников, гражданства РФ, работы и пр.), и возможны самые разные корреляции.

Иногда во время интервью чиновники на местах не только негативно отзывались о мигрантах – нерусских, но признавали и даже одобряли их дискриминацию.

Заместитель главы станичной администрации: *«Кто прибывает из турок - мы отказываем [в регистрации]. Если муж привез жену - можно, если муж сам сюда приезжает, то мы против. Если девушка [турчанка] переезжает к парню, к примеру, из Прохладного, то мы прописываем, а если парень - то нет. Если брат к сестре или дядя к племяннику - тоже. Для регистрации в сомнительных случаях также требуем справку о том, что он в своем государстве не состоит в браке, и отказываем всем им [туркам] в покупке участков».*

Начальник паспортно-визового отдела ОВД одного из городов Кавказских Минеральных Вод: *«Даем пропуску только тем, у кого в этом действительная необходимость, например, если престарелая мать переезжает к сыну. А то, например, посылают несовершеннолетнего к бабушке, к дяде, к тете или деду, а родители в Армении. Чтобы он здесь прописался, получил российское гражданство, а потом прописал родителей и прописал родню. Таким мы отказываем. Нечего им здесь делать. Если из Закавказья армянин приедет и пропишется, то перетянет к себе весь род. Где был один - там станет десять».*

Заместитель главы районной администрации: *«Сейчас мы ставим преграду армянам. Это мы не скрываем. Сюда едут. Понимаете, всеми правдами и неправдами едут сюда. Это - очень серьезная проблема. Но ведь мы не застрахованы от того, что начнут ехать сюда чеченцы, а они и начинают уже потихоньку прибывать».*

Такие суждения могут быть основой для предположения о том, что практика работы органов власти в целом также является дискриминационной, но сами по себе этого не доказывают. Иные же индикаторы избирательного отношения к людям внешнему наблюдателю не доступны.

4. Сложная дискриминация – статус вынужденного переселенца

В п.1 Ст.1 Закона РФ «О вынужденных переселенцах» 1993 г. использована двусмысленная формулировка, которая может быть истолкована таким образом, что статус предоставляется людям, ставшим или могущим стать объектом целенаправленных преследований, а не «просто» спасающихся от массовых беспорядков или боевых действий. Критерий целенаправленных преследований означает, что для разных этнических групп устанавливается разный порог приемлемости ходатайств. Подобный механизм можно описывать как косвенную дискриминацию.

В дополнение к этому сотрудники миграционных служб получают большую степень свободы в принятии решения о принятии ходатайства к рассмотрению и о предоставлении статуса. Наконец, можно утверждать, что решения о том, как толковать положения закона

¹⁶ Ответ главы Шпаковской районной государственной администрации А.П.Галкина на обращение депутата Государственной Думы РФ С.С.Митрохина, письмо № 7/04-77 от 20.01.98.

¹⁷ Ответ главы Советской районной государственной администрации А.А.Ржевского на обращение депутата Государственной Думы РФ С.С.Митрохина, письмо № 115 от 30.01.98.

¹⁸ Ответ главы Кировской районной государственной администрации В.Ф.Рыкова на обращение депутата Государственной Думы РФ С.С.Митрохина, письмо № 96 от 28.01.98.

о вынужденных переселенцах, принимались на федеральном уровне. В частности, в декабре 1994 - январе 1995 г. действовал прямой запрет руководителя Федеральной Миграционной Службы Т.М.Регент регистрировать чеченцев как вынужденных переселенцев¹⁹.

Во время первой чеченской войны после некоторых колебаний Федеральная миграционная служба стала принимать ходатайства от людей, бежавших из Чечни, независимо от их национальности и предоставлять статус вынужденного переселенца. Закон, таким образом, толковался широко, и угроза для жизни, связанная «просто» с боевыми действиями, воспринималась как достаточное основание для предоставления статуса. После войны и после нее нечеченцы (в особенности русские) также продолжали получать статус вынужденного переселенца, то есть факт их преследования в Чечне принимался по умолчанию как данность. От чеченцев, бежавших из Чечни из-за чисто уголовных или политических преследований, в миграционных службах (в том числе СК) требовали предоставить доказательства факта преследований.

Небольшая часть бежавших из Чечни после возобновления там боевых действий в 1999 г. получила статус вынужденных переселенцев, но среди них почти нет чеченцев и вообще национальных меньшинств.

Так, на 1 января 2000 г. из 3285 человек, получивших статус вынужденного переселенца в СК в 1999 г., 2520 русских, но только 19 чеченцев и 48 турок-месхетинцев²⁰, хотя общая численность чеченцев, бежавших в СК после сентября 1999 г., составляет, по оценкам, несколько сотен человек, а турок - не менее 1 тыс. чел. За первое полугодие 2000 г. статус получили 1547 чел., из них 1236 русских, 16 чеченцев и 21 турок²¹. В целом же к концу 2003 г. в СК из 18633 официально признанных вынужденных переселенцев 14272 были выходцами из Чечни, в свою очередь среди них насчитывалось 173 чеченца и 233 турка²². При отсутствии точной информации о числе и составе обратившихся в миграционную службу можно предполагать, что имело место сочетание нескольких факторов: действие порога, создаваемого необходимостью доказывать факт целенаправленных преследований, общая неинформированность, недоверие к властям, прямая дискриминация, вызванная свободой усмотрения сотрудников миграционной службы и установками федерального руководства. Представитель федерального ведомства, отвечавшего за миграцию, в официальном письме фактически признал селекцию мигрантов по этническому признаку²³.

5. Этническое профилирование

Дискриминационное поведение сотрудников милиции при проверках «паспортного режима» давно стало общераспространенной, рутинной и всеми признаваемой практикой в целом по стране, и СК не является в этом плане исключением. Это поведение выражается в первую очередь в выборочном характере проверок - им подвергаются люди на улицах, которые по внешним признакам могут быть отнесены к «приезжим» и к этническим меньшинствам. Практически все люди, относящиеся к «кавказским» меньшинствам или выглядящие как «кавказцы», с которыми приходилось общаться в СК, признавали, что имели регулярный, а иногда почти ежедневный опыт общения с

¹⁹ Ганнушкина С.А. Правовое пространство беженцев // Правовые аспекты чеченского кризиса. М.: Мемориал, 1995. С.134.

²⁰ Сведения о социально-демографическом составе вынужденных переселенцев по состоянию на 1.01.2000 г. Приложение к отчету Миграционной Службы СК за 1999 г. Ставрополь, 2000. Копия у автора.

²¹ Сведения о социально-демографическом составе вынужденных переселенцев по состоянию на 1.07.2000 г. Приложение к отчету Миграционной Службы СК за первое полугодие 2000 г. Ставрополь, 2000. Копия у автора.

²² Приложение IV к письму руководителя Управления по делам миграции ГУВД СК Ю.М.Костюкова № 47/6/6437 от 12.11.03 на имя депутата Государственной Думы ФС РФ В.В.Игрунова.

²³ Письмо заместителя министра по делам федерации, национальной и миграционной политики А.П. Благовидова № 09/1-3317 от 04.12.2001 на имя Депутата Государственной Думы РФ В. В.Игрунова.

милицией при проверках документов. Журналисты, правозащитники и даже официальные лица высказывали убежденность, что милиция при проверках документов предвзято относится к тем, кто по внешности не похож на русских²⁴. Однако, такого рода суждения основываются на обыденном знании, то есть бытовых клише, и не позволяют судить о механизмах и масштабах явления. Диспропорции в отношении того, насколько часто милиция проверяет людей разных визуальных типов, были даже подтверждены эмпирически, правда, в Москве²⁵. Проблема в том, что использованная в исследовании схема доказывания также, по сути, строилась на обыденном стереотипе, на отождествлении этнической принадлежности с определенными типами внешности и не позволяет судить о реальных мотивах сотрудников правоохранительных органов, организующих проверки или проводящих их.

Более определенные подтверждения этнического профилирования появились, когда весной 1999 г.²⁶ и в первые месяцы войны в Чечне милиция периодически закрывала административные границы края для перемещения этнических чеченцев²⁷. В октябре 1999 г. начальник ГУВД края Н.В.Мамонтов запретил любую регистрацию лиц, прибывших из Чечни (позднее, в декабре поступило разрешение делать регистрацию на один месяц), но обязал всех, прибывших из Чечни в СК с 1992 г., два раза в неделю отмечаться в милиции.

Сведения о том, в какой мере этот учет был этнически избирательным, неполны и противоречивы. Седа Яндарова в августе 2000 г. обратилась вместе со своей матерью Зинаидой Крайблат в орган регистрационного учета Отдела внутренних дел Георгиевска с просьбой зарегистрировать их по месту пребывания в доме ее бабушки. З.Крайблат зарегистрировали по месту жительства ее матери постоянно, однако С.Яндарову (вероятно, опознав в ней чеченку) - только сроком на один месяц, при этом она должна была являться два раза в неделю в орган регистрационного учета²⁸. Однако, отдельные, даже столь вопиющие, примеры не дают общей картины.

6. Официальная идеология и дискурсы

Властями СК миграция воспринимается как социальная проблема – нежелательная нагрузка на бюджет, рынки труда и жилья - и как угроза стабильности. Обсуждение при этом идет в манере, далекой от корректности: так, чиновники оценивают численность «мигрантов» нарастающим итогом, занося в эту категорию всех, кто сменил место жительства на протяжении последних 10-15 лет, или сообщают только число въехавших в края, забывая упомянуть о миграционной убыли, или изначально оценивают «мигрантов» как социально неблагополучную категорию – источник заболеваний и преступности.

Там, где пересекаются темы «национальной политики» и миграции, по крайней мере с начала 1990-х годов в выступлениях официальных должностных лиц практически без изменений воспроизводятся несколько тезисов.

1) Миграция ведет к изменению этнического состава населения и нарушению «этнического баланса»; все это угрожает конфликтами и дестабилизацией.

2) Активность новых диаспор в сфере политики и экономики является проблемой, угрожающей благополучию русских.

---

²⁴ Такие суждения воспроизводятся и в научной литературе – см. Казалиева К.Н. Межэтнические отношения ногайцев на юге России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № 1 (34). С.176.

²⁵ Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро. М.: Новая юстиция, 2006.

²⁶ Начиная с Распоряжения губернатора СК № 217-Р от 8 апреля 1999 г. (Ставропольская правда. 1999. 9 апреля), которое было само по себе не содержало указания на этничность, но применялось выборочно.

²⁷ По результатам опросов, проведенных автором в Ставрополе в ноябре 1999 г. среди бежавших из Чечни.

²⁸ Информация предоставлена автору в сентябре 2000 г. организацией «Вера, Надежда, Любовь», оказывающей помощь вынужденным мигрантам на Кавказских Минеральных Водах

3) Все эти проблемы особенно важны для экономически менее развитых восточных районов края, где высока доля меньшинств²⁹.

«Определяющие причины этнополитической нестабильности в Ставропольском крае: ... изменения в исторически сложившемся этнодемографическом и социально-экономическом балансе, обусловленные миграционными процессами»³⁰.

Губернатор СК А.Л.Черногоров: *«К сожалению, по абсолютной и относительной численности вынужденных переселенцев Ставропольский край занимает ведущее место в России, а неуправляемая миграция обостряет межнациональные отношения в крае, особенно в его восточных районах. Как показывает опыт, мигранты, порой стремятся занять "ниши" в торговле и сфере обслуживания, то есть там, где вращаются "живые" деньги, что позволяет им затем влиять на важнейшие сферы жизни региона»³¹.*

Сотрудник Совета экономической и общественной безопасности края В.В. Шнюков: *«Краевой совбез настораживает, что в восточных районах продолжается планомерное выдавливание русскоязычных граждан. Почти в тридцати населенных пунктах коренные жители остались в меньшинстве. Пройдут очередные выборы в органы местного самоуправления, и русских в этих селах и хуторах не останется вовсе, потому как вновь избранные главы в первую очередь будут отстаивать интересы своего этноса. ... Тревогу вызывают и другие факты. Выходцы из Чечни стараются селиться неподалеку от водозаборов, трансформаторных подстанций, других объектов жизнеобеспечения. Случайность? Дай-то Бог»³².*

Необходимо сделать оговорку, что как бы ни относиться к изменениям этнического состава населения, тревожные оценки властей несколько далеки от реальности. Общий прирост населения в период между переписями населения за 13 с половиной лет, составил 13,5%, то есть менее 1% в год. Доля русского населения колеблется в пределах статистической погрешности, и несмотря на все разговоры про миграцию, захлестывающую восточные районы, ситуация в них в основном не меняется. Так, в Курском и Нефтекумском районах, там, где наиболее высока доля меньшинств, русские составляли, по данным переписей, в 1989 г. и 2002 гг. соответственно 56,1% и 57,7%, а в 2002 г. – 51,5% и 54,0%; при этом численность русских выросла в абсолютном выражении³³. Все же разговоры о большом объеме неучтенной миграции остаются голословными спекуляциями. Наконец, упоминая о том, что меньшинства (в основном даргинцы) становятся большинством в более чем 30 населенных пунктах восточных районов края, ставропольские чиновники забывают отметить, что эти населенные пункты находятся в основном в пустынной зоне и насчитывают по несколько дворов.

По своему характеру официальные высказывания формируют негативный образ «мигрантов» и «меньшинств» в целом. Можно говорить о том, что проводится стратегия по созданию у публики чувства повышенной опасности в отношении иноэтничной миграции, но трудно увидеть в происходящем мобилизационную стратегию и стратегию легитимации определенных практик. Хотя приведенные выше суждения можно относить к разновидности «мягкого» «языка вражды»³⁴, они не содержат прямых призывов к

²⁹ Подборку типичных суждений чиновников можно найти, например, в публикации об очередном заседании Совета Безопасности края - Босенко И. Край меняется в лице // Ставропольская правда. 2005. 16 июля.

³⁰ Постановление Губернатора Ставропольского края «О Краевой целевой программе «Развитие этнических и этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае на 2007 - 2009 годы»» от 26 марта 2007 г. № 163. <http://lawru.info/base30/part3/d30ru3934.htm>.

³¹ Губернатор Ставрополя: Неуправляемая миграция обостряет межнациональные отношения в крае // ИА РЕГНУМ. 2008. 14 февраля. <http://www.regnum.ru/news/957435.html>.

³² Лазарев А. Военные будут «мочить», а Ставрополье - лечить. // Ставропольская правда. 2000. 5 августа

³³ Посчитано по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю - <http://www.stavstat.ru/perepis/vpn2002/default.aspx>.

³⁴ О возможной классификации «языка вражды» см.: Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: Центр «Панорама», 2002.

этнической дискриминации, и нет подтверждений тому, что они воплощаются в реальных действиях.

Кроме того, суждения, несущие в себе негативные оценки меньшинств, сочетаются с высказываниями о недопустимости ограничения прав на свободу передвижения и с призывами воспитывать толерантность населения для предотвращения конфликтов. В качестве целей «национальной политики» в крае называются «...обеспечение конституционного права, гарантирующего равенство граждан любой расы и национальности, а также свободу вероисповедания; формирование среди населения Ставропольского края гражданской солидарности через развитие межэтнической интеграции...»³⁵. Власть призывает к диалогу разных общественных групп и слоев, а не к репрессивным мерам ради соблюдения пресловутого баланса и стабильности.

Наконец, высказывания официальных лиц, касающиеся этничности, просто редки: в среднем за последние 15 лет в год случается по одному-двум выступлениям или публикациям официальных лиц краевого уровня, в которых затрагивались бы каким-либо образом этнические вопросы. Миграция упоминается чаще всего без отсылок к этничности, как чисто социальная проблема³⁶. Возможно, негативный фон вокруг меньшинств и мигрантов в конечном счете влияет на мотивацию людей, в том числе официальных лиц, практикующих дискриминацию, но эта цепочка причинно-следственных связей недоказуема, а сама дискриминация, как правило, латентна.

****

Резюме. Описанные выше казусы удачно иллюстрируют ряд тезисов. Открытая и эмпирически фиксируемая дискриминация реальна, но она ограничена по времени проявления, числу вовлеченных лиц и не определяет общую ситуацию, связанную с этническими проблемами. Вероятно, существует массовая и рутинная дискриминация (в первую очередь, в рамках паспортной системы), но она латентна и не доступна наблюдателю, не располагающему сложной методологией или инсайдерской информацией, а потому остается в области обыденного знания и предположений. Но даже там, где дискриминация доступна наблюдению, она является вспомогательным обстоятельством по отношению к иным репрессивным и исключаяющим практикам. Кроме того, она сливается с факторами структурного характера, что хорошо иллюстрирует казус с присвоением статуса вынужденного переселенца. Господствующие дискурсы, в том числе официальный, двусмысленны, а их возможные эффекты не поддаются однозначной оценке. Таким образом, проблемное поле, которое может быть связано с дискриминацией, распадается на множество не связанных друг с другом фрагментов, а суждения, основанные на концепте «дискриминации», во многих случаях не имеют под собой эмпирической доказательной базы.

Для того, кто желает использовать при описании этнических отношений категорию дискриминации, открываются две возможности. Первая – воспринимать все поле социальных отношений как пространство взаимодействия разных по статусу и объему доступных ресурсов этнических групп, каждая из которых может рассматриваться как своеобразный социальный актор.

Не обязательно, чтобы за таким описанием стояло устойчивое эссенциалистское восприятие этничности как неизменной сущности; достаточно молчаливого одобрения ряда допущений и использования определенных речевых клише. Общей рамкой будет признание фундаментального структурного неравенства между группами (в данном случае, скорее всего, – между «русскими» и меньшинствами, но возможна и другая конструкция). Таким образом, все проблемные высказывания с использованием

³⁵ Постановление Губернатора Ставропольского края «О Краевой целевой программе «Развитие этнических и этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае на 2007 - 2009 годы»».

³⁶ См. напр. Коэффициент «миграционной нагрузки» на Ставрополье превышает общероссийский почти втрое // ИА РЕГNUM. 2006. 10 мая. www.regnum.ru/news/637624.html.

этнических категорий и все асимметрии в социальных позициях, пересчитываемые по этнической шкале, будут априори рассматриваться как частные проявления доминирования одной категории населения по отношению к другой³⁷.

Останутся три проблемы: умозаключения в таких рамках будут основаны на домыслах; попытки анализа реальности не приведут к пониманию механизмов производства неравенств и этнических делений; наконец, в практическом плане подобные схемы рассуждений ведут в конечном счете к натравливанию одних групп населения на другие.

Другой подход означает признание неудобных реалий: «дискриминация» может быть концептом, применимым в юриспруденции, но имеющим крайне ограниченное хождение вне этих рамок. С юридической точки зрения дискриминация есть, во-первых, определенная правовая конструкция, своего рода идеальный тип, во-вторых, дискриминация, доказанная в суде или специальном органе, означает определенное правовое состояние, но не социологический факт. Таким образом, не приходится говорить о переносе этих пониманий в другие дисциплины. Однако, опыт использования категории «дискриминация» в юридической практике в России, за отдельными исключениями, отсутствует.

В иных, чем юриспруденция, дисциплинарных рамках понятие «дискриминация» позволяет описывать и анализировать только отдельно взятые проявления и практики. Изучение того, как этничность воспроизводится в обществе и как она влияет на взаимодействия людей, требует иного языка описания, нежели основанный на категориях «дискриминация», «язык вражды» и «расизм».

В плоскости практической деятельности сдержанность в использовании понятия «дискриминация» не означает отрицания проблем там, где можно подозревать нарушение равноправия. Защитить отдельного человека или бороться против какой-либо репрессивной практики можно разными способами и не прибегая к домыслам и произвольным обобщениям.

ЛИТЕРАТУРА

Борьба с дискриминацией в России. М.: Юристь, 2004.

Босенко И. Край меняется в лице // Ставропольская правда. 2005. 16 июля.

Ганнушкина С. Правовое пространство беженцев // Правовые аспекты чеченского кризиса. М.: Мемориал, 1995. С.122-135.

Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Губернатор Ставрополя: Неуправляемая миграция обостряет межнациональные отношения в крае // ИА РЕГNUM. 2008. 14 февраля. <http://www.regnum.ru/news/957435.html>.

Дискриминация в США: правовые и социологические исследования / Под ред. А.К. Соболевой. М.: Новая юстиция, 2005.

Казалиева К.Н. Межэтнические отношения ногайцев на юге России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № 1 (34). С.171-179.

Коэффициент «миграционной нагрузки» на Ставрополье превышает общероссийский почти втрое // ИА РЕГNUM. 2006. 10 мая. www.regnum.ru/news/637624.html.

Лазарев А. Военные будут «мочить», а Ставрополье - лечить.// Ставропольская правда. 2000. 5 августа

Майлз Р., Браун М. Расизм. М.: РОССПЕН, 2004.

---

³⁷ Как такие представления развиваются и воплощаются в теоретических построениях, см. Wiewiorcka M. The Arena of Racism. London: Sage, 1995; Kamali M. Racial Discrimination: Institutional Patterns and Politics. New York: Routledge, 2008; Майлз Р., Браун М. Расизм. М.: РОССПЕН, 2004. С.84-101.

Осипов А.Г. Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев). - Сер. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. - Вып. 155 - М.: ИЭА РАН, 2002.

Осипов А.Г. Регистрация по месту жительства и месту пребывания в Ставропольском крае // Вынужденные мигранты и государство. М.: ИЭА РАН, 1998. С.167-198.

Права человека в регионах Российской Федерации. Сборник докладов региональных правозащитных организаций о положении с правами человека в субъектах Российской Федерации за 1999 г. - Т.3 - М.: ЗАО РИЦ «Зацепа», 2000.

Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро. М.: Новая юстиция, 2006.

Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: Центр «Панорама», 2002.

Kamali M. Racial Discrimination: Institutional Patterns and Politics. New York: Routledge, 2008.

Non-Discrimination in International Law. A Handbook for Practitioners. London: Interrights, 2005.

Rex J. Race Relations in Sociological Theory. – 2 nd ed. – London: Routledge & Kegan Paul, 1983.

Theories of Race and Racism: a Reader / edited and introduced by Les Back and John Solomos. London; New York: Routledge, 2000.

Wieviorka M. The Arena of Racism. London: Sage, 1995.